
Н. Е. ОСИПОВ

О ФОРМАЦИОННО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КОРРЕЛЯЦИИ ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

На переломе веков и тысячелетий наша страна испытала и до сих пор продолжает испытывать наполненные трагизмом преобразования во всех сферах жизни. Первоначальное настроение людей, граничащее с эйфорией надежд и ожиданий «светлого будущего», достижимого за «пятьсот дней», постепенно уступает место разочарованию и общему пессимизму.

Этот процесс не миновал и обществоведов в целом и социальных философов в частности. В их среде с «перестройкой» все более нарастали критические настроения по отношению к формационной методологии марксизма. На смену ей все настойчивее стала навязываться как альтернатива цивилизационная модель объяснения всемирной истории. При этом формационная теория часто объявлялась противоречащей реальному историческому процессу в силу своей чрезмерной «схематичности» и «прямолинейности».

Наиболее рьяные оппоненты формационной теории не гнушались и прямой фальсификацией ее идей, представляя основные ее положения в искаженном, огрубленном виде. Вот что писал, например, советник первого президента России Б. Н. Ельцина, наш известный автор А. И. Ракилов: «Способ производства, согласно известному всем клише, есть единство производительных сил, охватывающих аппаратную часть, производителя, непосредственно оперирующего инструментальной составляющей, и производственных отношений, охватывающих собственность, распределение и так называемый обмен деятельностью. Здесь даже не подразумевается менталитет, информационные ресурсы, ноу-хау и все, что свидетельствует о человеческом сознании, разумности человеческой деятельности и ее целеориентированности. Это не простая дань постулату вторичности сознания, но в значительной степени выражение полувекových попыток универсальной тоталитарной си-

стемы сделать труд безмысленным, бессмысленным, лишенным проблеска интеллектуальности»¹.

Столь обширная цитата свидетельствует о многом и весьма показательна. Вряд ли процитированный здесь автор хуже нас с вами ориентируется в содержании социальной теории марксизма. На протяжении десятилетий он, пожалуй, как и многие другие, являлся правоверным адептом критикуемой здесь так жестко теории. Может быть, он стал, опять-таки как и многие, жертвой легковерия, попав под очарование «сладкозвучных сирен» сначала «перестройки», а затем и «демократов-реформаторов». Думаю, что и это не основная причина столь яростных нападков на социальную философию марксизма.

Дело здесь, пожалуй, в другом. На новом витке истории и в иных конкретных социальных условиях мы можем наблюдать извечное явление, характерное не только для нашего времени, но присущее как прошлым векам, так и недавнему советскому периоду отечественной истории – это чрезвычайно слабая «укорененность» философии в социальной реальности. Склоняешься к тому, что философия скорее является не формой общественного сознания, не «квинтэссенцией» и не самосознанием эпохи, а продуктом умствования различных мыслящих субъектов, зависящих от многих условий и даже обстоятельств своей жизни. Вот почему философию очень часто так легко превращали в официоз, теоретически оправдывающий существующий социально-экономический и политический порядок вещей в обществе. В этом смысле философию можно уподобить даже облаку, парящему над землей и гонимому над ней по воле разных ветров – будь то ветры западные или восточные.

Не открою никакой Америки, если скажу, что борьба между материализмом и идеализмом (вековечная проблема всей истории философии) в определенные периоды развития философии каждый раз происходила на конкретном гносеологическом материале с привлечением некоторых животрепещущих вопросов бытия. С конца XX столетия таковыми стали проблемы самоидентификации наших соотечественников, почувствовавших на себе и посте-

¹ См.: Ракитов, А. И. *Цивилизация, культура, технология и рынок* // Вопросы философии. – 1992. – № 5. – С. 5.

пенно осознающих трудности своего социального существования. И здесь, как нельзя кстати, в обществоведении была поднята цивилизационная проблематика, а в социальной философии разгорелись дискуссии о соотношении формационного и цивилизационного подходов к всемирной истории. Следовательно, затронутые этими дискуссиями вопросы имеют не только чисто теоретическое, но и весьма актуальное практическое значение.

На нашей отечественной социально-философской ниве «семена» цивилизационной методологии «вызревали» на протяжении всей второй половины века минувшего, благоприятной почвой для которых явилась теория «многофакторного» развития общества. Уже она подвергла сомнению истинность «экономического детерминизма», как был охарактеризован ею историко-материалистический взгляд на всемирную историю. И вот наконец эти семена дали обильные всходы, проявив себя в полной мере, и заполнили собой почти все интеллектуальное поле социальной философии.

Среди самих сторонников цивилизационного подхода существует довольно значительный разброс точек зрения. С представителями умеренного их крыла можно во многом согласиться, ибо они дополняют формационный подход, делая его более полнокрывным и убедительным.

Однако с позицией радикального крыла цивилизационного направления нельзя согласиться в принципе. Именно они представляют собой современную форму идеализма в трактовке жизни общества и его истории. (Да простят меня читатели за употребление, как некоторые скажут, «устаревшего» понятия – «идеализм».) Само понятие «цивилизация» ими определяется через конституирующую роль исключительно духовных ценностей, точнее, ценностно-смысловых аспектов жизни определенного социума. При этом последние берутся как бы уже в законченном, готовом виде и детерминирующими все остальные стороны социальной жизни. На этом фоне, как правило, подвергается критике «примитивизм» материалистической концепции сущности развития общества.

* * *

Ценностно-смысловой аспект жизни людей имеет, безусловно, огромное, но все-таки не всеобъемлющее значение при характери-

стике любого общества, а также в определении специфики цивилизации. Он сам является во многом производным параметром, формирующимся под влиянием целого комплекса факторов и условий социального и природного бытия. С изменением реальных условий жизни со временем происходит и изменение ценностей духовной культуры. В этой связи уместным будет сравнение духовной сферы с вершиной айсберга, по которой мы судим о самом факте наличия данного объекта. Айсберг (как и конкретная цивилизация) возникает в определенной среде как результат одновременного или последовательного действия совокупности факторов. Так, над водой находится пусть видимая, но лишь незначительная часть айсберга. Вершина венчает огромную, гораздо большую массу льда, скрытую под водой. Попадая в теплое течение, несущая основная часть ледяной горы разрушается, вызывая затем и уменьшение надводной ее части.

Разумеется, любая аналогия условна и всегда не абсолютно адекватна репрезентируемому явлению. Однако она носит познавательно-иллюстративный характер и потому уместна. «Несущее тело» всякой цивилизации образуется взаимосвязанным множеством различных подсистем жизнеобеспечения и деятельности людей, складывающихся исторически. Они выполняют роль социальных технологий. В этом плане концептуально емким является понимание технологии как общесоциального явления, которое высказал К. Маркс: «Технология вскрывает активное отношение человека к природе – непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и протекающих из них духовных представлений»².

Продолжая мысль К. Маркса, надо отметить, что любая технология есть целокупность средств и способов деятельности человека в самых разных сферах жизни общества. Наличие технологии – это показатель и характеристика меры зрелости, совершенства материальной и духовной деятельности общественного субъекта. Она свидетельствует об определенном уровне целесообразности и эффективности такой деятельности, а следовательно, уровне развития общества в целом. Из сказанного можно заключить, что, например,

² Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Изд. 2-е. – Т. 23. – С. 383.

определенный тип мировоззрения – как элемент «духа народа», так и значимая подсистема ценностей культуры в целом – это все проявления социальной технологии.

В каждой социальной технологии можно выделить материально-предметные и духовные ее компоненты, которые в реальности существуют и функционируют лишь в неразрывном единстве. Однако первые исторически обладают большей динамикой, что показывает нам, например, эволюция материального производства, демонстрирующая смену различных способов производства. Эта эволюция осуществляется как естественноисторический процесс, подчиняющийся действию общеисторической закономерности, на что обращает внимание формационная теория. Общественная формация, системообразующим образованием которой выступает определенный способ производства, есть своего рода технология бытия социума на конкретно историческом этапе его развития.

Ценностно-смысловую сферу также можно считать духовной социально необходимой технологией, которая, по существу, возникает на основе и является продолжением комплекса других общественно значимых технологий жизни большинства людей. В своем единстве все они определяют типичный способ жизни (существования) представителей конкретной цивилизации.

Под способом жизни (существования) автор понимает совокупность самых разнообразных условий и факторов, определяющих содержание конкретной цивилизации. По некоторой аналогии и параллели с категорией «способ производства» понятие «способ жизни» фиксирует и отражает единство, целостность, с одной стороны, жизненных сил определенного народа как субъекта цивилизации, а с другой – системы социальных технологий во всем спектре бытия социума, а не только в сфере производства материальных благ (если хотите – жизненных отношений). Правда, надо уточнить, что понятие «технология» несколько шире понятия «отношение», так как включает последнее в свое содержание в качестве одной из своих характеристик. По смыслу «система отношений» больше соответствует такому понятию, как «социальный институт», широко употребляющемуся в обществоведческой литературе.

Под жизненными силами я имею в виду демографические каче-

ства конкретного этноса, творящего свою историю. Как известно, определенный народ обладает некоторым энергетическим потенциалом активности, который он растрчивает в процессе исторической жизнедеятельности. Как показал Л. Н. Гумилев (хотя не все исследователи однозначно оценивают его позицию), сама природа наделяет каждый этнос в момент его зарождения импульсом пассионарности, имеющим под собой генетическое основание. Не случайно поэтому в научном сообществе довольно часто используются такие понятия, как «молодая нация», «молодой этнос», «зрелая» и даже «дряхлающая» нация и т. п.

Правда, на мой взгляд, Л. Н. Гумилев несколько абсолютизирует роль естественных факторов жизнеспособности и исторической активности определенного этноса. Вместе с тем он недооценивает значение собственно социальных факторов и условий в демографических процессах и их влияние на ход исторических событий. Всемирная история демонстрирует нам многочисленные примеры, когда новые народы, вступающие на арену эпохальных преобразований в истории, возникали по причинам социального развития и взаимодействия других исходных этносов, что также видоизменяло и обогащало человеческий генофонд.

Почти всегда в результате смешения народов человечество в конечном счете приобретало дополнительный импульс к развитию. Это верно как для древности, так и для последующей его истории. Еще Л. Морган отмечал: «Браки между членами родов, не состоящих в кровном родстве, создавали породу более крепкую как физически, так и умственно. Два прогрессирующих племени сливались воедино, а у новых поколений череп и мозг, естественно, достигали размеров, соответствующих совокупным способностям обоих племен»³.

Ф. Энгельс, анализируя процесс разложения феодализма в Европе и вызревания предпосылок капитализма и буржуазной цивилизации, обращает внимание на роль социально-демографического фактора: «Из смешения народов, происходившего в раннем средневековье, постепенно развивались новые национальности, про-

³ См.: Конспект кн. Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // Архив Маркса и Энгельса. – Т. 9. – С. 28.

цесс, при котором, как известно, в большинстве бывших римских провинций побежденное население, крестьяне и горожане, ассимилировало победителя – германского властелина»⁴.

Я не случайно выше употребил слова «ценностно-смысловой аспект» и «духовная культура» как синонимичные. Это, скажем так, в значительной степени эвфемизмы. Уподобляя цивилизацию живому организму, можно сравнить ценностно-смысловую систему с нервно-психическим его аспектом, отвечающим за способность особи к адаптации к условиям существования, а также к развитию при изменении внешней и внутренней среды. Иными словами, ценностно-смысловая сфера как ядро духовной культуры определяет, как правило, творческие потенции локальной цивилизации, ее возможности в исторической эволюции всего массива повседневных форм жизни, многообразной системы социальных технологий. Эта сфера является «самосознанием» социума, формирует его идентичность и обеспечивает своевременную выработку успешных или неудачных ответов на вызовы истории. Без этой способности срок жизни определенной цивилизации весьма ограничен, что в конце концов приводит ее к исчезновению с арены мировой истории. Если цивилизационный подход к обществу, во-первых, стремится охватить как можно большее число факторов обыденной жизни (структуру повседневности. – *Ф. Бродель*), интегральная характеристика которой представлена категорией «способ жизни» (способ существования), то формационный подход выделяет во всем многообразии жизни общества его основные структурные блоки: производственно-экономический, этно-социальный, политико-правовой и духовной культуры. Их единство выражается содержанием категории «общественная формация». Во-вторых, цивилизационный подход склонен не выделять факторы, определяющие первооснову социального бытия, а если делает это на эмпирическом уровне, то ограничивает их действие некоторыми временными и пространственными рамками, в пределах которых определенный фактор выполняет роль доминанты. Формационный же подход выводит общеисторическую закономерность решающей роли в систему материального производства по отношению к другим выше

⁴ См.: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 21. – С. 409.

перечисленным блокам общественной формации. При этом основанием общественной формации выступает способ производства материальных благ, а взятое в своей социально-философской сущности материальное производство есть главная детерминанта всего исторического процесса.

Сопоставляя между собой категории «способ производства» и «способ жизни», можно понять, что они своим содержанием накладываются друг на друга, пересекаются, но не совпадают полностью. Последняя гораздо шире, так как включает весь комплекс факторов и условий социального бытия – от природных до духовных. Причем своеобразным полюсом притяжения в ней является духовная культура во всех ее различных проявлениях. Ведь в ней преломляется, отражается как в зеркале (в том числе и в менталитете – архетипах) весь ансамбль условий бытия на протяжении всей истории цивилизации. Среди них важнейшую, но не единственную роль играет история материально-производственной деятельности людей, которую вполне правомерно рассматривать с позиции формационного подхода, то есть как эволюцию, последовательность способов производства.

Не может вызвать сомнения тот факт, что состояние материального производства значительно влияет на многие параметры цивилизации, однако выводить ценностно-смысловой ее аспект непосредственно из способа производства было бы не совсем верно. Поэтому со сменой производственных отношений как стороны способа производства (обычно сравнительно быстрая смена производственных отношений связывается с социальной революцией и, в частности, с политическим переворотом) ядро духовности социума не меняется сразу и автоматически. Дело в том, что в ценностно-смысловой системе отражаются не только экономико-производственные стороны жизни большинства людей, но и широчайший спектр факторов и условий их социально-природного бытия: климат, ландшафт, плодородие почв, особенности фауны и флоры, а следовательно и повседневный быт (жилище, одежда, питание и т. д.), ритмы деятельности в различных сферах социальной активности, социально-демографические процессы, общение с другими этносами и странами и др. Вот почему цивилизационные ас-

пекты жизни общества обладают известной инерцией, что принято относить к такому его свойству, как преемственность в развитии социума как конкретной цивилизации.

Но и это реальное обстоятельство не следует абсолютизировать – «консерватизм» цивилизации нельзя категорически противопоставлять формации как исторически резко возникающей ступени развития общества, утверждающейся после смены предыдущего способа производства. Не только цивилизация, но и формация возникает не вдруг, не одномоментно, так как способ производства требует для своего установления известный, достаточно длительный исторический период. Так, необходимо отметить, например, что рыночные отношения в обществе имеют многовековую предысторию, ведущую свое начало с момента разложения первобытности (варварства. – *Ф. Энгельс*) и – далее – зарождения рабства как раннего этапа Большой цивилизации. И только с эпохи Возрождения эти отношения по-настоящему начинают распространяться на рабочую силу, что явилось предпосылкой, в свою очередь, генезиса капиталистической формации и одновременно буржуазной цивилизации. В условиях последнего труд окончательно становится наемным, а рабочая сила – товаром. Именно поэтому еще К. Маркс употреблял понятия «вторичная» общественно-экономическая формация, охватывающая несколько «малых формаций»: рабовладельческую, феодальную, капиталистическую.

Относительно быстро по историческим меркам совершаются лишь политические перевороты в ходе социальных революций. Становление же и утверждение общественной формации требует гораздо более длительного времени, соизмеримого с периодом возникновения цивилизации. И – что важно – смена производственных отношений в процессе формирования исторически нового способа производства выступает одним из существенных (если не главных) механизмов цивилизационных преобразований в обществе, ибо неизбежно раньше или позже меняет всю систему социальных, а не только производственных отношений и, тем самым, в конечном счете ценностно-смысловые ориентиры людей в обществе, то есть их способ жизни. Более того, сами производственные отношения во всем своем многообразии (как формационные – базисные, так и экономические уклады) также являются своеобраз-

ными фундаментальными технологиями взаимодействия людей в обществе, юридически оформляются в институте права, что, в свою очередь, является важнейшей социальной технологией регулирования имущественных отношений⁵.

Говоря о роли способа производства в формировании цивилизационных качеств общества, нельзя забывать и о том, что эта зависимость не является однонаправленной и односторонней. Не только социально-экономические факторы бытия общества воздействуют на его цивилизационные характеристики, о чем речь шла выше. Вовсе нет! И цивилизационные особенности социума оказывают определенное влияние на ход его экономического развития, а следовательно в конечном счете на смену способов производства и в целом становление исторически новой общественной формации. Это влияние, в частности, довольно существенно определяет число хозяйственных укладов и их соотношения, тенденцию в их совокупной эволюции и т. д.

Цивилизационные характеристики социума, как правило, воздействуют на обе стороны экономического способа производства, прежде всего, через деятельность людей, они проявляют себя как жизненные силы определенного народа непосредственно в сфере производительных сил, сказываясь на таких качествах их человеческого элемента, как трудолюбие, настойчивость, и других физических и духовных свойствах работников. От этого в определенной степени зависит состояние технико-технологических и организационно-управленческих параметров функционирования и развития производительных сил, в конечном счете производительность об-

⁵ Блестящим образцом и в значительной степени примером в использовании для более поздних обществ, идущих по пути постепенного развития частнособственнических отношений, стало римское право, возникшее еще в Древнем рабовладельческом мире. Отчасти поэтому Западную Европу можно считать преемницей Греко-римской цивилизации, которая являлась колыбелью не только христианства, оказавшего значительное влияние на дальнейшую судьбу средневековой Европы, но и детально разработанной правовой системы, регулирующей имущественные отношения в обществе между его гражданами как экономическими субъектами.

Ф. Энгельс, говоря о разложении феодализма и формировании предпосылок частнособственнических отношений в Европе, отмечал: «Римское право является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений» (Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Изд. 2-е. – Т. 21. – С. 412).

щественного труда.

Это же можно видеть и в отношении другой стороны способа производства – экономической системы. Ее трансформация определяется не только действием общеисторического закона соответствия, но также в некоторой степени зависит от цивилизационных качеств человеческого материала, особенно когда речь идет о состоянии общества в конкретный период его истории. В одних случаях они способствуют установлению исторически более прогрессивных производственных отношений, а в других – препятствуют им. Более того, при наличии примерно одинакового уровня развития производительных сил в нескольких государствах социально-политический переворот, утверждающий новую систему производственных отношений, происходит лишь в одной, отдельно взятой стране. Многое зависит от ее цивилизационных характеристик и уникальной комбинации условий и факторов, действующих «здесь и сейчас».

Если рассматривать историческое развитие в цивилизационном аспекте, появляется возможность понять, почему в конкретный его момент в социальном смысле более прогрессивные производственные отношения устанавливаются политическими и идеологическими средствами в обществах с относительно слабой материально-технической базой. В этом случае первые могут какое-то время выполнять роль стимула, «подтягивающего» производительные силы на соответствующий уровень. Об этом свидетельствует, например, опыт, пока еще не совсем удачный, недавнего прошлого нашей страны, что так или иначе демонстрирует активную роль производственных отношений, диалектику двух сторон материального способа производства.

Выше сказанное делает понятным, почему первые Великие цивилизации, а вместе с тем и рабовладельческая формация возникают лишь в определенных регионах Земли. Именно там имелись соответствующие благоприятные, природно-климатические условия для получения достаточного прибавочного общественного продукта, необходимого для усложнения и развития социального организма. Но это же обстоятельство объясняет (при учете прочих особенностей социально-политических и духовных условий) факт последующей «консервации» ранних рабовладельческих обществ, их

отставание в экономическом (формационном) развитии от других, более динамичных социумов, в которых в силу определенных обстоятельств возникают свои специфические цивилизационные стимулы к социально-экономическому развитию, что в итоге приводит к переходу их на исторически более прогрессивную ступень формационного развития.

Отсюда ясно, что противопоставление друг другу формационного и цивилизационного подходов в осмыслении всеобщей истории весьма условно и в известной степени искусственно. Оба они не что иное, как познавательные способы, дополняющие друг друга методологии постижения различных аспектов развития человечества, в котором содержатся, диалектически взаимодействуют как моменты прерывности (дискретности), так и преемственности (континуальности). В этом отношении естествознание, ставшее наукой гораздо раньше, чем обществознание, дает нам массу примеров, когда один и тот же процесс или явление может изучаться с помощью различных методов, на первый взгляд кажущихся противоположными.

Действительно, если мы рассматриваем какое-либо конкретное общество и хотим лучше понять его специфику, причины его исторической эволюции, то это надо делать с применением по возможности нескольких методов. Иначе картина будет неполной, неоправданно искажающей реальность. К сожалению, эту ситуацию можно наблюдать в отечественном обществоведении, когда сторонники формационной и цивилизационной парадигм не приемлют позиции друг друга, что не лучшим образом сказывается на состоянии теории общественного развития. Пора, видимо, переходить от взаимного оппозиционирования к синтезированию взглядов.

Такой синтетический подход к всемирно-историческому процессу отражает реальный факт, что в нем неразрывно связаны и взаимообуславливают друг друга, и притом одновременно, цивилизационные и формационные преобразования. Перефразируя слова Р. И. Косолапова, следует сказать, что история движется «двойной тягой» – взаимодействием формационных и цивилизационных из-

менений⁶. Феномен «двойной тяги» в данном случае действует на протяжении человеческой истории, отличаясь в конкретно исторические периоды только разной своей интенсивностью (темпами и силой).

В историческую эпоху генезиса цивилизации, выхода человечества из первобытности эта закономерность «двойной тяги» проявляла себя в пределах каждой локальной цивилизации и носила, так сказать, «точечный» (узко региональный) характер. По мере «уплотнения» человеческого мира в процессе усиления контактов между различными цивилизационными регионами ойкумены формационно-цивилизационное взаимодействие становилось все более интенсивным и ускоренным. Во многом это происходит за счет развития технологических сторон жизни разных народов, вступающих во все более тесное общение друг с другом. На первый план выходят прежде всего милитарные технологии, позволяющие одной цивилизации покорять другую, создавая древние империи, в которых со временем возникала новая цивилизационная среда, отличающаяся от исходных.

В этих условиях формировалась и специфическая духовность как интегральный результат обмена социально-культурных ценностей победителей и побежденного. Наряду с этим происходило кумулятивное наращивание технологий в жизненно важных сферах деятельности, в том числе в области материального производства. Например, перенимались наиболее эффективные формы труда и производства, орудия труда и технологически новые материалы. Важнейшим моментом совершенствования всего комплекса технологий цивилизации является усложнение сфер деятельности человека. Впервые в истории происходит отделение умственного труда от физического. В частности, этот процесс связывают с зарождением элементов научного познания. Все так, но это далеко не исчерпывает всего содержания данного процесса.

Научные компоненты умственного труда особого слоя людей, чья деятельность становится институционально закрепленной, не являлись главными и определяющими. Они, скорее, выполняли

⁶ Р. И. Косолапов употребил такое выражение в отношении диалектики производительных сил и производственных отношений как причины развития материального производства.

вспомогательную служебную роль при реализации религиозных представлений. Именно последние несли в себе ценностно-смысловую энергию духовной деятельности древних интеллектуалов-профессионалов (жрецов, магов, философов и ученых). Но даже такая не первостепенная роль науки и техники позволяла достичь значительных успехов в ряде областей духовной и хозяйственной деятельности – в математике, астрономии, медицине, строительстве, земледелии. Например, вспомним хотя бы тот факт, что в Китае еще в I тысячелетии до н. э. был приговорен к смертной казни придворный звездочет за неверное предсказание солнечного затмения. А в Греции уже в ранний досократовский период знаменитый философ и ученый Фалес из Милета предсказал такое в 585 г. до н. э. Только сейчас мы вновь возвращаемся к подобающей оценке и определенному использованию лечебных методов и средств древнекитайской и древнегреческой медицины. До сих пор нас поражают своим великолепием и грандиозностью памятники строительства и архитектуры этих цивилизаций. Перечень примеров можно продолжать и продолжать, хотя часть творческих достижений наших далеких предков утрачена, безвозвратно канув в Лету.

Далее, при характеристике специфики цивилизации как исторического этапа развития человечества общепринято указывать на институт государства. Последний, являясь одной из социально значимых политических технологий, есть одновременно показатель степени развитости самого материального производства, эффективности общественного труда. Выполняя ряд общественных функций, государство вместе с тем является технологией, инструментом распределения материальных благ между различными социальными группами, выступает институтом не только классового господства, а также поддержания данного порядка, получения и потребления общественного продукта.

На Востоке государство в лице Верховного правителя как наместника Неба, Бога на Земле брало на себя функцию организации и управления земледельческими и строительными работами, требовавшими привлечения больших людских ресурсов. Данное обстоятельство получило выражение в нашей исторической и социально-философской литературе в термине «политарное обще-

ство» (см., например, работы Л. С. Васильева).

Важной отличительной чертой цивилизации становится «демографический взрыв» и особенности территориального распределения населения. Если для первобытного общества в условиях присваивающего типа хозяйства была характерна миграция и расселение населения в зависимости от наличия источников пропитания, то уже в период становления первых (автохтонных) цивилизаций происходила четко выраженная агломерация населения в деревнях и населенных пунктах городского типа, которые превращались в хозяйственные и культурные очаги жизни, в центры социального развития.

Важнейшей цивилизационной инновацией в истории человечества являлось зарождение и неуклонное развитие рыночных отношений, возникновение на этой основе все расширяющегося вида деятельности – торговли. Это, в свою очередь, колоссально стимулирует человеческие потребности и интересы, значительно увеличивая творческие возможности и способности индивидов, создает условия для развития их инициативы и предприимчивости. Даже в условиях восточных деспотий данное обстоятельство делает возможным появление пусть и слабых, но все же предпосылок формирования гражданского общества.

В научном сообществе обществоведов существует точка зрения, согласно которой цивилизация ведет свой временной отсчет с момента выработки обществом письменности. Безусловно, она является важнейшим аспектом цивилизации, означающим подлинную революцию в развитии общества, эпохальным явлением в информатизации социального бытия, однако, как нам думается, письменность есть феномен производный, возникший необходимым образом как результат технологического ответа общества на сложившуюся потребность обеспечения реальной практики в самых разных сферах деятельности цивилизованного человека. Так что цивилизация, по существу, намного древнее письменности. Письменность необходимо рассматривать как действенное средство закрепления и трансляции от поколения к поколению опыта и знаний не только в хозяйственной, но и в духовной сферах жизни. И по мере все большего распространения и усвоения в обществе она способствовала наряду с другими факторами действительности вы-

работке ценностно-смысловых ориентиров социальных индивидов, формированию цивилизационного типа личности.

Подведем некоторый итог. Вступив в цивилизацию, человечество поднимается на новую, более прогрессивную ступень своего исторического развития. Приобретая дополнительные стимулы, это развитие значительно ускоряется. В результате происходит своего рода «сжатие» исторического времени, но это еще не вызывает резкого противоречия между достигнутым уровнем производственно-технологического развития и системой духовных ценностей, в которых человек осознает свое положение в социально-природном мире. Между формационными и цивилизационными характеристиками общества пока еще имеется в целом соответствие. Для достижения такого соответствия существует необходимое время и условие – века и даже тысячелетия, а также сравнительно ограниченное пространство, охватывающее территорию, не превышающую размеры отдельного континента или даже части его. Социальный мир одновременно пространственно расширился и вместе с тем постепенно уплотнялся, становясь более тесным за счет усиления контактов и взаимодействия различных социумов, что приводило к образованию достаточно крупных геополитических сообществ – цивилизаций. Это взаимодействие осуществлялось, как правило, не совсем гуманистически, а путем взаимного захвата и поглощения. Однако даже в таких жестких условиях эволюционно складывались формы общения, взаимной терпимости, общечеловеческие нормы и правила нравственности.